

— Да, Машенька, я поняла... Да, пошли в кино, придешь поздно... А с кем ты? Ну да, понятно, с Женей, конечно... Да, хорошо... Молодец, что позвонила. Я? Да ничего особенного... Почитаю книжку и спать лягу... И я тебя целую, дочка.

Мобильник привычно скользнул в карман домашнего халатика, и Лиза грустно вздохнула — придется опять в одиночестве ужинать... А она так старалась Машке с ужином угодить! На дорогую рыночную телятину разорилась, котлет навертела... Все равно бы Машка не устояла, хоть одну штуку слопала бы обязательно. Вот же — вбила себе в голову, что бедра с мини-юбкой не сочетаются! Как будто нельзя юбку на размер больше взять... А бедра вполне нормальные, такие, как надо, бедра. Зато рожать потом без проблем...

Нет, вслух меж ними такие «ужасные» вещи про больший размер юбки и про «рожать» не произносились, конечно же. Восемнадцатилетнюю девчачью глупость тоже уважать надо.

Это ж такая штука — опасно трогательная. В том смысле, что, если не «трогать», с годами сама израстется. А с другой стороны — кто сказал, что матери схитрить нельзя и не впихнуть в глупого ребенка лишние пару сотен полезных калорий? Тем более перед сессией, когда нервная нагрузка на организм увеличивается? Ей ли, медику, этого не знать? Ой, а котлетки-то подгорают, кажется...

Ринулась к плите, колыхнув полами легкомысленного халатика-разлетайки. Нет, не подгорают вроде... Все как надо получается, с румяной поджаристой корочкой. Ах, красота... А запах... Теперь крышкой сковородку накрыть, газ приубавить до едва заметного голубого сияния, оставить еще чуток потомиться... Нет, Машка точно не устоит!

Дверной звонок щелкнул первой соловьиной трелью аккуратно под бряцанье крышки о сковороду, а потом пошел перебирать привычную мелодию — механически требовательную, нервно настойчивую. Если не отрывать палец от кнопки звонка, она так и будет переходить от одной ноты к другой, разрывая барабанные перепонки... Это значит, пришел конец домашнему счастью. Конец хорошему настроению. О боже, ну почему.. Почему именно сегодня? Почему он заявляется именно тогда, когда... А впрочем, он всегда заявляется не ко времени. Да и кто это время определяет, собственно...

Ладно, хватит глотать воздух, как рыба, выброшенная на берег. Надо идти, дверь открывать. Если он сам ее откроет, своими ключами, еще хуже будет.

Уже торопливо направляясь в прихожую, отметила про себя мельком, что каждый раз она реагирует именно как... как рыба. Вроде и привыкнуть за три года пора. Привыкают же люди к несвободе, ко всякому вынужденному обстоятельству... Обстоятельству по имени Герман. Бывший муж Герман. Звучало бы, конечно, не так уж и страшно, если бы...

— Чего так долго не открываешь? Надеюсь, я твоего любовника в своих частных владениях не застал?

Стоит в дверях, ухмыляется, похлопывает ладонью по косяку. Галстук приспущен, ворот рубашки расстегнут... Ага, понятно. Значит, слегка под хмельком. Кирпичный румянец на щеках, глаза плывут предвкушением очередного глумливого куража.

— Не стоит беспокоиться, Герман. Цела и невредима твоя частная собственность.

Сказала — и замолчала испуганно. Слишком в голосе много неприязни прозвучало. Непозволительной неприязни. А этого как раз и нельзя — чтоб она в голосе слышалась. Это ж для него — словно красная тряпица для быка. Жаль, что не успела иммунитет включить...

— Хм... И чего это мы вдруг так отвечаем? А, Лизок?

Поднял в изломе бровь, нагнул голову, пытаясь поймать ее взгляд.

— Ну, чего молчишь? Почему так отвечаешь, спрашиваю?

— Как, Герман?

— Как, как... Нагло, вот как. Забыла, что на птичьих правах здесь живешь? Может, напомнить, какой у тебя статус на этой отдельно взятой территории?

— Нет. Не забыла.

— А если не забыла, так сделай мордочку поприветливее. Хотя бы на элементарную приветливость я могу рассчитывать? Согласись, я ее вполне заслуживаю. Ведь так?

— Так, Герман.

— Разве я гоню тебя из квартиры, к которой ты, как бывшая жена, никакого отношения не имеешь?

— Нет, не гонишь.

— Но ведь право имею? — еще ниже склонил он голову, приблизив лицо вплотную идохнув крепким коньячно-табачным духом.

О господи, каждый раз — одно и то же... Одни и те же глумливые вопросы, одни и те же ответы. Вот бы на диктофон их записать и включать, чтобы лишний раз вслух не произносить... Да, Герман, все у нас по Достоевскому, только в пошло-бытовом варианте. Да, ты не тварь дрожащая, ты право имеешь. Законное право, на бумаге прописанное. Да, ты очень благородный, Герман, и правом своим не пользуешься.

Исключительно потому не пользуешься, что я хоть и бесправная, но все-таки мать твоего ребенка...

— Дай пройти, чего встала столбом!

Шагнул в прихожую, и она отступила в сторону, давая ему дорогу. Поплелась за ним в комнату, встала в дверях, сложив руки под грудью. Ничего, это ненадолго, наверное. Время-то уже позднее, дома молодая жена ждет... Поглумится немного и уйдет. Главное, красной тряпицей перед ним не фланировать, замереть соляным столбом и забыть об элементарном человеческом достоинстве. На время — забыть... Так надо. Другого выхода нет.

— А Машка где? — заглянул в открытую дверь Машкиной комнаты.

— Она в кино пошла. Только что звонила, предупредила, что будет поздно.

— С кем — в кино? У нее что, ухажер появился?

— Нет, просто с подружкой. С Женей. Они учатся вместе, в одной группе.

— Ну, это она тебе заливает... Наверняка какой-нибудь обалдуй около нее трется. Надо бы проверить...

— Нет, она мне никогда не врет.

— Ну да, ну да, размечталась! Тебе лапшу на уши навесить — особо и стараться не надо. Простая ты, Лизок, как... Как...

Он пошевелил пальцами, хохотнул, покрутил головой, словно никак не мог подобрать

подходящего для нее слова. Так и не подобрал, махнул рукой. Подцепив в шепоть ее белую блузку, висящую на спинке стула, приподнял слегка, снова усмехнулся:

— Как была неряхой, так и осталась. Везде свои вещи разбрасываешь. Что, нельзя это в шкаф убрать, да?

Молчи, Лиза. Вопрос-то, слава богу, почти риторический. Замри, соляной столб по имени Лиза. Пусть изгаляется, пусть делает что хочет. Замри, умри, потом воскреснешь.

— А чем у тебя так вкусно пахнет? — потянул в сторону кухни носом.

— Там котлеты на ужин...

— Покупные или сама старалась?

— Сама. Ты же знаешь, я не люблю полуфабрикатов.

— В частности или вообще?

— Вообще...

Хмыкнул, кивнул снисходительно, вроде как одобрил. Развернувшись, пошагал на кухню. Она, как тень, последовала за ним... Надо бы унять мерзкое дрожание внутри. Ну чего, чего ты задрожало, нутро? Понятно, что все это со стороны довольно противно смотрится, кто ж спорит? А только поддаваться на его провокации — еще хуже. По меньшей мере — глупо. Как гласит народная мудрость — против лома нет приема.

Встала в дверях кухни, будто со стороны наблюдая продолжение спектакля. Герман подошел к сковородке, открыл крышку, склонился

над котлетами, осторожно ухватил одну, претенциозно отставив в сторону мизинец. Оттяпал зубами сразу половину..

— Ш-ш-ш... Горячая, жаража! — прошепелявил, пережевывая. — А вкусно, Лизок... Молодец...

И «молодец» тоже прозвучало шепеляво-глумливо, одними гласными — о-о-е... Сожрал в один момент, плотоядно облизнул губы, уцепился пальцами за следующую.

— Может, тебе вилку с тарелкой дать, Герман?

— Опять хамишь, Лизок?

— Ничуть... Просто, по-моему, так удобнее.

— А мне по фигу, как по-твоему. Я на своей частной собственности нахожусь, что хочу, то и делаю.

— Ну, тогда приятного аппетита.

Развернулась, чтобы уйти. И тут же понеслось в спину:

— Эй, ты куда? Я тут ее нахваливаю, а она ко мне — спиной... Молодец, говорю, хорошо стряпаешь! Все, как надо, с лучком, с чесночком, с перчиком... Этого у тебя не отнимешь, молодец. Единственное твое женское преимущество, между прочим. А моя Кристинка — та нет... Готовить совсем не умеет. С детства родителями избалована, поганка. Зато в постели... Эт-то, я тебе скажу, что-то с чем-то... Бомба, стерва, оторва такая, что прости господи! Сам удивляюсь, как жив еще...

Он вздохнул смешливо, еще и подмигнул

при этом, будто с приятелем разговаривает. Подхватил еще одну котлету, цапнул крепкими зубами, прикрыл глаза:

— М-м-м... Вкусно.

Прожевал, выставил впереди себя растопыренные пальцы, лениво шагнул к раковине, открутил кран. Ополаскивая руки, проговорил словно бы между прочим:

— А как вы тут вообще... живете-то? У Машки ведь сессия на носу, так я понимаю?

— Да. Через неделю первый экзамен.

— Ну, вот... А она шляется где-то... Что ж ты за ней не следишь, Лизок?

— Я слежу, Герман. У нас все в порядке.

— Ну-ну... Смотри, чтобы все хорошо было, без глупостей. Не просто в порядке, а в полном порядке. Эх, как там говорится, дай господь памяти... Что за комиссия, ей-богу, быть взрослой дочери отцом?

— Создатель...

— Чего?

— Что за комиссия, создатель...

— А, ну понятно. Я и забыл, что ты у нас шибко начитанная. Второе твое преимущество, Лизок. Жаль только, никому не пригодившееся. Видишь, как оно в жизни бывает? Глупые стервочки таким, как ты, умненьким да начитанным, фору на сто шагов вперед дают... Моя Кристинка за свою молодую жизнь ни одной книжки не прочитала, а мужика прямо из стойла со вкусной едой увела!

Она кивнула, соглашаясь. Бог в помощь твоей Кристинке, каждому, как говорится, свое. Но вслух, конечно же, не произнесла. Тут, главное дело, в полемику не вступить... Да и желания нет, если честно.

Основательно усевшись на табурет, Герман закурил, фривольно закинув ногу на ногу. Смотрел на нее через дым сигареты, молчал. Будто ждал, что она все-таки что-то возразит.

Колыхнулась парусом кухонная занавеска, влажный ветер принес с собой запах дождя. По жестяному карнизу забарабанили первые крупные капли...

— О, а вот и дождик подарочком, тачку не на до мыть! — весело встрепенулся Герман, закрывая створку окна. — Сейчас ливанет...

Оперся одной рукой о подоконник, другая рука с окурком потянулась к горшку с бегонией, пальцы автоматически сделали свое черное дело. Прости, дорогая бегония, придется уж потерпеть это измывательство с окурком. Я и не такое терплю...

— Ладно, Лизок, поехал я. Меня дома Кристинка ждет. Денег не оставляю, сам на мели. Если что — пусть Машка мне звонит, после пятнадцатого деньги будут...

Хотела сказать — не надо ничего, да смолчала. И впрямь — скоро за Машкину учебу в институтскую кассу взнос нести... Вот пусть и платит. После пятнадцатого. Надо же ребенку

образование получить. Сам же только что вздыхал на тему отца и взрослой дочери! Вот и плати, если отец. Что за комиссия, создатель.

— Она позвонит, Герман. Я ей напомним.

— Да, и к матери моей пусть заглянет на днях. Совсем бабушку забыла, она ж обижается.

— Хорошо. Заглянет.

— А сама — не хочешь?

— Нет... Зачем? Она ж меня и раньше не особо жаловала...

— Ну да. А сейчас, представляешь, вспоминает о тебе с сожалением! Кристинка-то ее пару раз матом обложила, она ж не такая тихоня, как ты...

— Я просто старалась не идти на конфликт, Герман.

— Ну да, ну да. И это уже третье твое преимущество. Видишь, сколько я комплиментов тебе сегодня наговорил! Зацени! А то стоишь с кислой рожей... Небось дожидаться не можешь, когда я уйду? Чего плечами пожимаешь? Пожимай не пожимай, а жилплощадь-то все равно моя, законная!

— Да. Я помню, Герман.

— А ты здесь живешь только потому, что здесь моя дочь живет.

— Да. Я помню.

— Чего ты заладила, как попугай, — я помню, я помню! Других слов не знаешь?

— Каких, например?

— Ну, есть такое слово — спасибо... Все равно ведь у тебя другой жилплощади не предвидится, на зарплату медсестры ее не купишь! Так что и расщедрилась бы на волшебное слово, поди, не переломилась бы! Я же тебя сей же час не выгоняю...

— Спасибо, Герман.

С этим «спасибо» вдруг заныло что-то внутри соляного столба — все, не могу больше... Хватит уже на сегодня, а? Не может долго живая человеческая плоть быть соляным столбом. У плоти внутри слезы копятся. Горячие и соленые, между прочим. А горячее для соляного столба — беда. В одночасье растаять может.

Он вдруг опустил плечи, скользнул по ее лицу быстрым взглядом. Видно, почуял, что она на грани... Почуял — добился-таки своего. Значит, уйдет скоро.

— Ладно, пошел я, Лизок. Кристинка, поди, обзвонилась вся, а я телефон в машине оставил... И пусть Машка мне после пятнадцатого позвонит, напомни ей!

— Да...

— Я дверь сам захлопну, можешь не провожать.

— Да...

Прошел мимо, снова обдав густым хмельным запахом. Громко хлопнул дверью в прихожей...

Все. Можно возвращаться к нормальной жизни. Со свежей, дрожащей непролитыми

слезами обидой, с очередным осознанием безысходности своего положения. Какая ни есть, но все-таки жизнь. Другой в ближайшее время все равно не образуется.

Отерла со щек слезы, шмыгнула носом, тихо поплелась в комнату. Теперь главная задача — в эту проклятую обиженность до конца не уплыть, не пропасть в ней с потрохами. Надо как-то урловеситься, самой себе веточку протянуть, чтоб вылезти из болота... А главное, униженность из себя вытащить, не дать ей корнями прорасти! Что оно такое есть, полученное от Германа унижение? Всего лишь очередная попытка самоутвердиться. Его — попытка. Вот пусть жалкой попыткой и останется. Наверное, бедному Герману просто необходимо было в этот вечер самоутвердиться. Других способов он не знает...

Бог с ним. Бог с ним... Бог с ним, с Германом! Сегодня, между прочим, еще относительно спокойно экзекуция прошла. И хорошо, что не при Машке. Она бы обязательно с ним сцепилась. А потом бы переживала, плакала ночью в подушку... Он же отец ей. Какой ни есть, а все равно она его любит.

А дождь как быстро прошел... Пошумел и прошел. А жаль. Когда идет дождь, душа как-то быстрее от обиды омывается. Шмыгает между струями, играет... И забывает обиду.

Вышла на балкон, вдохнула полной грудью.

Давай оживай, душа обиженная. Зачем нам с тобой эту гадость внутри держать? Еще раз вдохни чистоты, еще... Подольше задержи в себе воздух... Так, что-то плохо получается. Наверное, надо сосредоточиться. Призвать какие ни есть силы, переломить в себе опасные ощущения, оттолкнуться от плохой минуты. Она это умеет, умеет! Всегда вроде бы получалось, уж сколько таких минут пережито... Ну же, давай!

Сердце стучит беспокойно, вот в чем беда. В унисон с потребностью души не попадает. Надо переждать пять минут.

Порывом ветра занесло на балкон мокрую тополиную ветку, будто рука спасения протянулась. И тут же ускользнула, будто с собой позвала... И вдруг — пошло! Разлилась, пробежала волной по телу радостная судорога узнавания жизни, счастливая до неприличия! Как хорошо, что она ее слышать умеет, ощущать, осязать умеет! Надо только знать, как подхватить, как пропустить через каждую клетку! Давай, жизнь, входи в меня побыстрее, вытесняй мелкоту и суетность опасной минуты... Обдавай запахом свеженького, еще не устоявшегося городского лета, запахом земли и омытых дождем тополиных листьев, нежностью влажного воздуха, терпко вкусного, как молодое вино! Вот, уже хорошо, уже поплыла, полетела... И впрямь, будто глоток вина выпила. Уже щекочет внутри нахаль-

ным озоном счастья... Господи, как хорошо, что она это умеет! Вернее, душа умеет...

Ого! Еще ветер прилетел, как по заказу, более мощный, порывистый. Специально для нее, наверное. Сейчас ветер устроит концерт с тополем — тоже специально для нее. Потому что она — слышит...

Да, это всегда был концерт. Ветер — дирижер, огромный тополь во дворе — оркестр. Кто-нибудь знает вообще, что нижние ветки тополя и его верхушка звучат под ветром в разной тональности? Нижние — мажором с ленцой, верхние — органным торжеством минора, с каждой секундой разрастающейся ввысь и вширь музыкой миллиардного шелеста? Не слышали? А как эта музыка утягивает за собой — не чувствовали?

Ах, жаль, в комнате телефон надрывается. Не вовремя, жаль. Прости, ветер, прости, тополь. Придется выйти из концертного зала...

— Мам, кино кончилось, мы домой идем! Можно, Женька сегодня у нас заночует? Она опять с бабкой поссорилась.

— Конечно, можно, Маш. Чего спрашиваешь.

— Ага... Ну, мы сейчас, уже через полчаса... Ты еще не спишь?

— Нет, Машуль.

— А чего делаешь?

— Да так... На балконе стою.

— Опять ветер слушаешь? Какая ж ты у меня романтичная, мам... Как тургеневская барышня.

— Ладно, сама такая. Давайте дуйте домой, я жду.

— А ужин есть? Женька, ты же знаешь, вечно голодная!

— И ужин есть, Машуль. По-моему, котлеты еще остались... То есть я хотела сказать, что на ужин у нас котлеты, очень вкусные, между прочим, из рыночной телятины.

— Ух ты, класс... Все, мы с Женькой бежим к котлетам!

Положила трубку, усмехнулась. Хорошо, Герман не успел все котлеты слопать! И с удовольствием поймала себя на этом легкомысленном «слопать»... Молодец, справилась, значит. И пусть Машка сколько угодно насмешничает относительно ее излишней якобы романтичности. А что, в самом деле? Чем можем, тем и спасаемся!

Положила трубку, отправилась на кухню — оставшиеся котлеты разогревать. И салат надо нарезать — Женя любит салат...

Вот все-таки странно, отчего Машка выбрала себе в подружки эту девочку. Совсем разные характеры... Машка — женственная блондинка, мягкая, смешливая, добродушная. А Женечка, она такая... Слишком суровая для юного возраста. Резка в суждениях, угловата, порывиста. Сначала скажет, потом подумает. Причем так может сказать, на грани наивного хамства, что оторопеешь порой... И природа у нее сухова-

то-смуглая, кареглазая и темноволосая, то есть блондинистой Машке прямо противоположная. В общем, как тут любимого Александра Сергеевича не вспомнить — они сошлись, волна и камень, стихи и проза, лед и пламень... Как встретились на первой лекции еще в сентябре, когда в свой юридический поступили, так сразу и подружились. Машка даже своих школьных подруг забросила — все у нее теперь Женька да Женька... Женька сказала, Женька посоветовала...

Вот и сейчас проблемы с этой Женькой — опять с бабушкой поссорилась. Интересно, что там за бабушка такая, что она вечно с ней ссорится? Наоборот, радовалась бы, что ей, иногородней студентке, приходится не в общежитии жить, а у бабки в большой квартире... Или та бабка, как владелица частной собственности, тоже через девчонку самоутверждается? Но вроде — не должна... Все-таки родная внучка...

Ага, пришли. Дверь в прихожей хлопнула. Высунулась из кухни, пропела ласково:

— Девочки-и-и... Мойте руки и за стол, все готово...

Женя зашла на кухню первой, села за стол, произнесла виновато:

— Вы извините, тетя Лиз, опять я своей ночевкой вас напрягаю... Надоела я вам, да?

— Да брось, Женечка. Ничего страшного. Как в кино сходили? Понравился фильм?

— Да хреновый какой-то... Ой, простите,